

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Конец Владивостокской школы японоведения : Протокол допроса Н.П. Овидиева
Author(s)	Хисамутдинов, Амир А.
Description	Source Material
Citation	Acta Slavica Iaponica, 16, 207-231
Issue Date	1998
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/40147
Type	departmental bulletin paper
File Information	16_207-232.pdf

Source Material

Конец Владивостокской школы японоведения:

Протокол допроса Н.П. Овидиева

Амир А. Хисамутдинов

Основу изучения Японии на русском Дальнем Востоке заложили преподаватели Восточного института, основанного во Владивостоке в 1899 г. С окончанием гражданской войны многие профессора института, ставшего в это время университетом, выехали за пределы Владивостока, одни оказались за границей, другие отправились в европейскую часть России. Крах старой Владивостокской школы японоведения приходится на 30-е годы, когда был закрыт Дальневосточный государственный университет (ДВГУ). Некоторые историки связывают новый виток репрессий на Дальнем Востоке с появлением в Хабаровске комиссара госбезопасности 3-го ранга Г.С. Люшкова. Но еще задолго до его приезда произошли “чистки” в ДВГУ: высланы из Владивостока преподаватели (китаевед А. Маракуев* и др.), арестован Ц. Бадмаев*. Типичным для репрессий в СССР было то, что большие дела заводились после ареста некоторых крупных руководителей. Когда в Москве предприняли попытку ареста Яна Гамарника* (конец мая 1937), то сразу же задержали во Владивостоке его ближайшего единомышленника Георгия Крутова* (4 июня 1937), затем наступил черед начальника Управления НКВД по Приморскому краю Терентия Дерибаса. Вскоре очередь дошла и до начальника Приморского областного управления (ПОУ) НКВД Якова Визеля* (4 августа 1937).

Кто является автором дела, по которому прошли многие владивостокские японоведы, сказать трудно. Вероятно, оно было коллективным “творчеством” сотрудников НКВД и их добровольных помощников, началось еще под руководством Я.С. Визеля. Тогда еще дела востоковедов не были объединены. В основном им предъявлялись обвинения в троцкизме и шпионаже, что являлось обычной практикой в те годы. 23 июня 1937 года в Хабаровске арестовали бывшего директора ДВГУ А.В. Пономарева*, друга Г.М. Крутова. Хабаровские чекисты особо не церемонились и вскоре последовало его “признание”. Через шесть дней, 28 июня арестовали помощника директора ДВГУ по хозяйственной части А.П. Ещенко. 14 августа 1937 г. владивостокские чекисты задержали преподавателя М.Н. Вострикова*, который в жизни Пономарева сыграл свою трагическую роль. Являясь секретарем парткома ДВГУ, он предложил исключить из членов партии Пономарева, как бывшего царского офицера. Вскоре А.В. Пономарева освободили и от обязанностей директора ДВГУ и он уехал в Хабаровск, где вскоре был арестован. Во время допросов бывший директор вспомнил незаслуженные обвинения Вострикова и решил ему отомстить, выдумав преступления секретаря парткома.

31 августа 1937 г. арестовали японоведа К.А. Харнского*. В постановление

о его аресте отмечено, что он [...] достаточно изобличается в том, что является агентом одного иностранного государства, в пользу которого вел шпионскую работу в СССР [...] (Дело К.А. Харского. Л. 2). О “контрреволюционной организации” пока не говорилось ни слова. 8 сентября 1937 г. задержали другого японоведа — К.П. Феклина*. 21 сентября 1937 г. наступил черед заведующего кафедрой японского языка ДВГУ Н.П. Овидиева*. Тогда-то, по нашей версии, чекисты и решили объединить все дела востоковедов и на свет появилось “Дело № 1404 контр-революционной шпионско-вредительской организации, существовавшей в ДВ Государственном университете, входившей в состав правотроцкистского заговора на Дальнем Востоке”. Ведение дел шло под пристальным вниманием начальника ПОУ НКВД капитана госбезопасности М.И. Диментмана*, который сменил Визеля. 5 ноября 1937 года арестовали З.Н. Матвеева*, В.А. Войлошникову*, И.Т. Быкова, Е.С. Нельгина*, а на следующий день наступил черед и последнего — И.С. Менка. Надо отметить, что были арестованы и другие востоковеды, задержаны и японцы — преподаватели ДВГУ (С. Тонегава*). Они все были подвергнуты сильным истязаниям и пыткам. Одна из жертв 3-го отдела ПОУ НКВД вспоминал в 1939 году: “С Хреновым (сотрудник НКВД - прим. А.Х.) я встречался один раз (июнь 1938 г. - прим. авт.), но видел жертвы его работы. Я лежал в тюремной больнице с арестованным Романюком из Тернея, который рассказывал мне, что во время допросов у Хренова последний посадил его задним проходом на ножку стула, продавил его, и ножка прошла через задний проход и вышла в живот. Романюк и сейчас жив, но он калека, он просил отравы, чтобы скорее умереть. Мимо меня проходило много жертв Мочалова (начальник отделения) и их группы. Арестованные рассказывали, что Хренов допрашивал их в пьяном виде. Мочалов — это садист, он жаждал крови, он отрывал людям семенники. Серебряков говорил мне, что Мочалов вставлял ему в задний проход штепсель и говорил при этом, что не вытащит штепсель до тех пор, пока не закипит у него”. (Собр. А.Х.) Надо подчеркнуть, что аресты среди восточников не были каким-то особым событием в череде репрессий. Наоборот, как показали исследования, аресты среди ученых были обычным явлением среди советского населения.

Обвинения НКВД в адрес востоковедов ДВГУ можно проиллюстрировать протоколом допроса японоведа Николая Петровича Овидиева, которого сделали руководителем вымышленной шпионской организации. В обвинительном заключении по его делу говорилось: “Органами НКВД вскрыта и ликвидирована контрреволюционная, шпионско-вредительская организация, действовавшая в ДВ. Государственном университете. Следствием установлено, что названная организация входила в состав право-троцкистского заговора и была создана по прямому заданию руководства заговора в лице Крутова [...]”. В каких преступлениях уличался японовец? В переводе на русский язык книги по истории Японии, приглашении на работу преподавателей-японцев, реорганизации кафедры японского языка. Также обвинениями послужили отголоски споров о лингвистике, а также должностные преступления: отсутствие планов и учебников. Могут показаться более серьезными обвинения в шпионаже и связи с “японским резидентом” — генеральным консулом Японии во Владивостоке Ватанабе Риз*. Но, как

показали реабилитационные дела 1950-х годов Приморского управления КГБ, обвинения его в шпионаже были лишены всяких оснований, также как и в отношении его коллеги, генерального консула Японии в Харбине Миякава Фунао. Он был ген. консулом и во Владивостоке. После окончания второй мировой войны Миякава был захвачен в Маньчжурии и отправлен в Москву, где так и не могли предъявить серьезных обвинений (Бобреньев В.А., Рязанцев В.Б.). Согласно последних публикаций и находок в архивах, никто из зачинщиков дел на бывших с отрудников ДВГУ не понес наказания.

При публикации оставлена стилистика документа. В некоторых случаях внесены незначительные поправки. Судя по машинописной копии протокола допроса, Н.П. Овидиев вносил в них грамматические исправления. Биографии, отмеченные *, даны в приложении.

Протокол Допроса обвиняемого Овидиева Николая Петровича

от 1 февраля 1938 г.

Вопрос: Вы проживали за границей?

Ответ: Да, проживал.

Вопрос: Где?

Ответ: В Японии, в Токио.

Вопрос: Когда?

Ответ: В период интервенции на Дальнем Востоке, с весны 1918 г. до лета 1922 года.

Вопрос: Каким образом в эти годы Вы оказались за границей?

Ответ: Окончив в 1918 г. Восточный факультет Владивостокского института, желая квалифицироваться на газетной работе, выехал в Японию.

Вопрос: Один выезжали за границу?

Ответ: Нет, со знакомым мне по Владивостоку издателем Токийского журнала “Нициро Дзицуге Симбун” (“Голос Японии”) — японцем Уеда Моридзи, который пригласил меня на работу в качестве заведующего переводческой частью редакции.

Вопрос: Вам известно, что Уеда Маридзи являлся японским шпионом?

Ответ: Мне известно, что Уеда часто выезжал из Японии. Там был связан с разведывательным отделом Генштаба японской армии.

Вопрос: Откуда Вам это известно?

Ответ: Во время работы в редакции мне приходилось неоднократно наблюдать связи Уеда с разведывательным отделом штаба.

Вопрос: С кем персонально в разведотделе был связан Уеда?

Ответ: Уеда был связан с переводчиком штаба армии японцем Яно и сотрудником разведотдела штаба Канеда Цунетаро.

Вопрос: Вы с Яно и Канеда были знакомы?

Ответ: Да, был. Яно и Канеда числились сотрудниками: Яно переводчиком, Канеда корреспондентом. В журнале Канеда помещал статьи по вопросам

экономики Сибири, так как бывал на Камчатке, Сахалине, других местах Советского Союза и в штабе армии считался знатоком Дальнего Востока.

Вопрос: Следовательно штат редакции “Голос Японии” использовался разведотделом Генштаба в интересах разведки?

Ответ: Да фактически это было так. Редакция журнала субсидировалась военным ведомством, разведорганы которого использовали отдельных сотрудников журнала в качестве разведчиков.

Вопрос: В том числе, как это известно следствию, Вы также являлись японским разведчиком?

Ответ: Не отрицаю. Будучи враждебно настроен, я совместно с другими лицами вел ряд лет активную антисоветскую работу. Признаю себя виновным в этом.

Вопрос: Какую антисоветскую работу Вы вели?

Ответ: По день моего ареста я руководил при ДВГУ организованной мной японо-шпионской вредительской организацией.

Вопрос: Отвечайте с какого времени Вы стали заниматься шпионажем?

Ответ: Агентом японской разведки я состою с 1922 года.

Вопрос: Кто Вас привлек для шпионской работы?

Ответ: Сотрудник разведотдела Генштаба японской армии Канеда Цунетаро.

Вопрос: При каких обстоятельствах?

Ответ: Враждебно настроенный в отношении Советской власти, воспитанный в японофильском духе я в качестве члена редакционной коллегии поместил в 1918 г. на страницах журнала “Голос Японии” несколько мною написанных статей контрреволюционного характера. Этими статьями обратил на себя внимание разведотдела Генштаба, который в 1919 году при посредничестве Яно привлек меня для срочного составления нужного Генштабу японо-русского разговорника. Редактируя разговорник я охарактеризовал в нем большевизм, как враждебную опасность для всех государств. Указал, что избавиться от этой опасности (врага) в СССР возможно согласованным действием всех реакционных сил страны, которые необходимо организовать на подавление большевизма. После этого я переводил для Генштаба на русский язык книгу по истории Японии. В 1922 году я стал работать в Чукотской золотопромышленной компании и вращаться среди белоэмигрантских кругов. Канеда, знавший меня как японофила, предложил мне заняться разведывательной работой среди русских эмигрантов.

Вопрос: Вы согласились?

Ответ: Нет, я не смог принять предложения Канеда, так как собирался выезжать на родину.

Вопрос: Канеда оставил Вас в покое?

Ответ: Через несколько дней Канеда явился ко мне на квартиру и, высказав одобрение со стороны разведотдела штаба моему решению о выезде в СССР, повторил свое предложение вести разведработу в интересах Японии. Я согласился.

Вопрос: Задания по шпионской работе Вы получали перед отъездом в СССР?

Ответ: Получил. Канеда предложил мне по приезде в СССР устроиться на работу в военном учреждении.

Вопрос: В каком?

Ответ: Которое будет мне указано японским консулом во Владивостоке Ватанабе.

Вопрос: Вы были связаны с Ватанабе?

Ответ: Нет, знаком не был, меня должен был связать с ним сотрудник Владивостокского отдела “Цио-сен-банка” (Корейского банка) японец Кидзима.

Вопрос: Вы знали Кидзиму?

Ответ: Был знаком в 1920 году. Кидзима брал в Токио у моей жены уроки русского языка.

Вопрос: После данного Вами согласия Канеда вести шпионскую работу Вы вернулись в СССР?

Ответ: Да, спустя несколько дней после описанного разговора я выехал во Владивосток.

Вопрос: И связались там с Ватанабе?

Ответ: Да, спустя недели две по приезде я связался с Ватанабе.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Ко мне на квартиру (в августе 1922 года) явился японец Кидзима, передавший предложение Ватанабе быть готовым к отъезду после эвакуации японских войск с ДВК, в Читу для определения на работу в штаб 5-й армии.

Вопрос: При помощи кого Вы должны были поступить на работу в штаб 5-й армии?

Ответ: По словам Кидзима меня должен был встретить нужный человек.

Вопрос: Когда Вы выехали в Читу?

Ответ: Как только были эвакуированы японские войска, ко мне на квартиру вновь пришел Кидзима и предложил воздержаться от выезда в Читу до получения письменного приглашения на работу.

Вопрос: Получили такое приглашение?

Ответ: Да, спустя недели полторы я получил от знакомого мне по Владивостокскому институту секретаря Министерства иностранных дел Абрамсона письмо с предложением работать в Министерстве ДВР.

Вопрос: После этого Вы Выехали в Читу?

Ответ: Выехал и прибыл на место в октябре или ноябре 1922 года.

Вопрос: Кто из японских разведчиков встретил Вас?

Ответ: На вокзале станции Чита я был встречен Абрамсоном, который порекомендовал мне временно определиться на должность ученого библиотекаря Читинского отдела Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Обещал связать меня по шпионской работе с японским агентом Сизовым, работавшим в качестве начальника разведотдела штаба 5-й армии и являвшемся секретарем президиума Научной ассоциации.

Вопрос: Связал Вас Абрамсон с Сизовым?

Ответ: Связал на одном из заседаний Президиума Научной ассоциации, примерно в декабре месяце 1922 года.

Вопрос: Кто Вам содействовал в поступлении на работу в штаб 5-й Армии?

Ответ: Познакомившись с Сизовым, я перешел на работу в информационный отдел Дальревкома и в начале января 1923 г. Сизов принял меня в разведотдел штаба на должность переводчика.

Вопрос: С кем Вы поддерживали шпионские связи в Чите?

Ответ: С Сизовым.

Вопрос: А с Абрамсоном шпионских связей не имели?

Ответ: Нет, не имел. Связав меня с Сизовым, Абрамсон в скором времени выехал в Москву, и я больше с ним не встречался.

Вопрос: Кроме Сизова других шпионских связей в Чите не имели?

Ответ: Имел с японцем Танигуци.

Вопрос: Кто такой Танигуци?

Ответ: Танигуци был личным представителем японского лесопромышленного синдиката японца Судзуки. Проживая в Чите под предлогом ведения переговоров с правительством ДВР по вопросу получения лесоконцессии, Танигуци занимался разведывательной деятельностью, держал связь с японской военной миссией в Харбине.

Вопрос: Дайте показание какую шпионскую работу Вы провели в Чите?

Ответ: Недели через полторы после поступления в разведотдел штаба 5-й Армии, Сизов вручил мне несколько копий перепечатанных на машинке отношений, адресованных в штаб Армии, которые предложил передать Танигуци. В отношениях освещались вопросы порядка и сроков перевода административного центра края в г. Хабаровск, плана формирования в связи с этим в дальнейшем ОКДВА и перспектив развертывания военного и оборонного строительства. Полученные материалы я передал Танигуци при очередной встрече в Дальревкоме, куда он заходил по выяснению вопросов получения лесоконцессии.

Вопрос: Другие поручения Сизова по шпионажу выполняли?

Ответ: Нет, не выполнял, так как Сизов вскоре был арестован за шпионаж и, видимо, расстрелян.

Вопрос: С Танигуци, после ареста Сизова, Вы шпионскую связь поддерживали?

Ответ: Я встречался с Танигуци после ареста Сизова неоднократно, но никаких шпионских сведений я ему не передавал. Обеспокоенный арестом Сизова он в начале весны уехал с Судзуки в Харбин. Осенью я выехал в Иркутск, прервав связь с японской разведкой.

Вопрос: Когда вновь Вы эту связь восстановили?

Ответ: В конце осени 1924 года с консулом Ватанабе.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: В октябре месяце 1924 года я возвратился в гор. Владивосток и поступил в качестве преподавателя японского языка в Дальневосточный Государственный университет. Познакомился там с преподавателем-японцем Хироока, который в одной из бесед со мной предложил передавать через него все шпионские материалы и сведения, которые я буду иметь для Ватанабе.

Вопрос: Какие задания Вы получили от Ватанабе?

Ответ: В конце 1924 года Хироока передал, что Ватанабе в целях активизации

моей шпионской работы, предлагает мне устроиться в Особый отдел (бывший разведотдел) штаба 5 Армии, переведенный к этому времени из Читы во Владивосток.

Вопрос: Задание Ватанабе Вы выполнили?

Ответ: Выполнил. При содействии знакомого мне по Чите работника штаба Мустафина я в конце декабря, или же в начале января 1925 года поступил переводчиком в Особый отдел Армии.

Вопрос: Мустафин знал Вас, как японского шпиона?

Ответ: Нет, о моей шпионской работе он ничего не знал.

Вопрос: Продолжайте показание о полученных Вами от Ватанабе шпионских заданиях?

Ответ: Как только я поступил в Особый отдел Армии Хироока передал, что Ватанабе требует моей информации о всей проводимой мною работе в Особом отделе, а также присылки ему материалов о состоянии и ходе подготовки в ДВГУ кадров-японистов.

Вопрос: Как Вы эти задания выполнили?

Ответ: Работая в Особом отделе штаба 5-й Армии до декабря месяца 1924 года я регулярно передавал Ватанабе через Хироока сведения о всех сделанных мною переводах, сообщал в каких материалах, какими темами интересовался Особый отдел. По университету я ежегодно пересылал Ватанабе по окончании учебного года информации о ходе подготовки кадров японистов, количестве выпущенных студентов, качестве их как специалистов, политической физиономии студентов и о намечаемых местах использования окончивших ДВГУ.

Вопрос: С другими японскими разведчиками Вы поддерживали связи?

Ответ: В июне месяце 1925 года, находясь в Токио, я встречался с Канеда Цунетаро.

Вопрос: При каких обстоятельствах в 1925 году Вы попали в Токио?

Ответ: Желая освежить свои практические знания в области японского языка, я выехал за свой счет в командировку в Японию на период летних каникул в ДВГУ.

Вопрос: Не прикрываетесь формальным поводом выезда в Японию в 1925 году — говорите прямо, зачем Вы выезжали в Токио?

Ответ: Я выезжал, чтобы договориться в разведотделе штаба японской армии об освобождении меня от выполнения шпионских поручений по Особому отделу 5-й Армии.

Вопрос: Что вынуждало Вас ставить так вопрос?

Ответ: В Особом отделе я не имел доступа к особо секретным документам, которые интересовали Ватанабе, не мог удовлетворять его требований по шпионской работе и поэтому решил освободиться от работы в Особом отделе.

Вопрос: Ватанабе о своем намерении Вы ставили в известность?

Ответ: Нет, не ставил. Действовал несогласованно, надеясь на поддержку в Токио со стороны Канеда.

Вопрос: Имели успех?

Ответ: Имел. Перед отъездом во Владивосток Канеда сообщил мне, что разведот-

дел штаба согласен на передачу меня для разведывательной работы по ДВГУ и разрешил мне в связи с этим оставить службу в Особом отделе Армии.

Вопрос: Какие задания давал Вам Ватанабе после ухода из Особого отдела 5-й Армии?

Ответ: Не довольствуясь моей информацией о состоянии подготовки кадров японистов, Ватанабе поставил вопрос о плановом развороте подрывной работе в ДВГУ.

Вопрос: Что практически предлагал осуществить Ватанабе?

Ответ: Ватанабе требовал создания при ДВГУ японо-шпионской вредительской организации. В качестве предварительных мероприятий он предложил: 1. Добиться внедрения в преподавательский состав японского отделения восточного факультета университета возможно большего количества японцев. Рекомендовал, под предлогом укрепления знаний студентов-японистов в области японского языка, настаивать на усилении “живой речи”, требуя приглашения преподавателей-японцев по разговорной речи. 2. Прививать и воспитывать у наиболее успевающих студентов-японистов японофильские убеждения, подготавливая этих студентов для работы в японской разведке. Содействуя лично в успешном разрешении этих вопросов, Ватанабе в 1927 году организовал обращение ко мне профессора Токийского института иностранных языков Ясуги, просившего в письме “посодействовать” ему в определении в качестве преподавателей японского языка в университете двух студентов-японцев, окончивших русское отделение Токийского университета.

Вопрос: Что Вы осуществили по заданию Ватанабе?

Ответ: До назначения меня в 1932 году заведующим кафедрой японского языка ДВГУ я ежегодно: а) информировал Ватанабе по вопросу состояния работы в ДВГУ по подготовке кадров японистов, б) поощрял (доказывая необходимость) приглашение в качестве преподавателей японского языка японцев, рекомендованных Ватанабе, в) в 1929 году информировал подробно Ватанабе о намечавшихся перспективах реорганизации восточного факультета университета, г) летом 1930 года, после отъезда Ватанабе в Японию, переслал в консульство детальное описание реформы, проведенной в конце 1929-30 учебного года на восточном факультете университета.

Вопрос: Когда Вы приступили к созданию японо-шпионской вредительской организации при ДВГУ?

Ответ: В 1932 году, как только принял заведование кафедрой японского языка.

Вопрос: Что практически проделали?

Ответ: Связавшись с японским агентом Феклиным Константином Павловичем, который был рекомендован мною в качестве преподавателя японского языка в ДВГУ, мы широко развернули вербовку членов организации, через которых проводили шпионскую и подрывную работу.

Ответ: Организация ставила основной своей целью свержение Советской власти и восстановление в СССР капитализма. Осуществление этой цели намечалось путем интервенции, главным образом при помощи вооруженного

нападения на Советский Союз — Японии. Эта цель находила свое подтверждение в установках Ватанабе, которые я получал от него. При встречах со мной Ватанабе, касаясь вопроса создания контрреволюционной организации, указывал неизбежность войны между СССР и Японией, в итоге которой Советский Союз будет поражен, требовал срыва подготовки в СССР кадров японистов, рост которых, по его заявлению, “опасен для японской армии”. Исходя из политической платформы организации мы проводили подрывную и шпионскую работу.

Вопрос: Кто персонально руководил контрреволюционной организацией?

Ответ: В 1933 году руководил Пономарев, с 1934 года, с уходом Пономарева из ДВГУ, руководил я по день моего ареста.

Вопрос: Какую шпионскую и подрывную работу провела контрреволюционная организация с 1933 года?

Ответ: Выполняя задания японской разведки по подрывной работе, участники контрреволюционной организации провели следующее: 1. Широко развернули работу по дезорганизации учебного процесса на японском отделении восточного факультета ДВГУ, обеспечив в течение последних 5 лет выпуск неполноценных специалистов-японистов. 2. Развернули работу по воспитанию студентов-японистов в японофильском, фашистском духе, превратив японское отделение в школу подготовки японских разведчиков. 3. Объединили силы организации с силами японских разведчиков, ведущих борьбу на японо-лингвистическом фронте в Хабаровске и в Москве. 4. Насадил в ДВГУ в составе профессорско-преподавательского состава троцкистов (Фанерман, Менк, Киквадзе и др.), которые не поразоблачались до последнего времени благодаря участию в контрреволюционной организации бывших секретарей парткома ДВГУ. 5. Развернули широко шпионскую работу, сообщали японской разведке сведения и передавали материалы по всем интересовавшим ее вопросам.

Вопрос: Назовите участников японо-шпионской вредительской организации.

Ответ: В состав организации, кроме меня, входили: 1. Феклин Константин Павлович, бывший доцент кафедры японского языка ДВГУ, сын полковника адмиралтейства, работал ряд лет в качестве переводчика японского языка на рыбозаводах Камчатки, был тесно связан с японофилом, бывшим ректором университета профессором Огородниковым*, осужденным в 1934 году за контрреволюционную деятельность. Имел обширные связи с японцами, проживавшими в Японии, на Камчатке и во Владивостоке. Неоднократно бывал в Японии, до последних лет имел переписку с проживавшими там знакомыми японцами. Во Владивостоке преподавал русский язык японскому разведчику Тонегавы, осуществлявшему шпионские связи с японским консульством. В контрреволюционную организацию Феклин был вовлечен мною в 1932 году. После осведомления его о целях и задачах организации, охотно согласился вести шпионско-подрывную работу. Рассказывал мне о себе, что давно занимается разведывательной работой в пользу Японии, информировал о наличии у него японских связей. Кто и когда завербовал

его для шпионской работы, не сказал. В контрреволюционной организации Феклин, кроме шпионажа и подрывной работы, занимался вербовкой новых членов в организацию.

Вопрос: Вы спрашивали у Феклина, кем он был завербован?

Ответ: Нет не спрашивал.

Вопрос: Выше Вы заявили, что Феклин был рекомендован Вам японской разведкой, кто Вам рекомендовал его?

Ответ: Феклин был рекомендован мне, как японский разведчик, японским консульством, через японца — преподавателя Ямадзак.

Вопрос: Продолжайте показания об участниках организации.

Ответ: 2. Пономарев Андрей Викторович, бывший директор ДВГУ, для шпионской работы был завербован в 1930 году японским консулом Ватанабе, по предложению которого связался со мной в 1930 году, являлся руководителем контрреволюционной организации, занимался вербовкой новых членов в ее ряды.

3. Юркевич Трофим Степанович, бывший доцент ДВГУ, ярый японофил, знакомый мне с 1914 года, с малых лет воспитывался в Японии в школе для бедных русских детей при духовной миссии в Токио, в годы интервенции — офицер-колчаковец и переводчик штаба японской армии в Приморье. Имеет много знакомых ему японцев из числа работающих в СССР, среди них есть его товарищи по учебе в Японии. Юркевич — старый японский разведчик, связанный с разведотделом генштаба японской армии в годы интервенции, что мне в 1922 году сообщил в Токио белоэмигрант-разведчик, сослуживец Юркевича по разведотделу, русский Юша. В контрреволюционную организацию Юркевич привлечен мною в 1933 году. Информированный о целях и задачах организации Юркевич охотно согласился вести подрывную работу. Занимался вербовкой новых членов в организацию.

4. Харнский Константин Андреевич, бывший преподаватель истории и географии в ДВГУ, бывший офицер старой армии в чине капитана, бывший член ВКП (б), знаком мне с 1922 года по работе в г. Чите, в контрреволюционную организацию привлечен лично мною в 1935 году в здании университета. Информированный мною о существовании в ДВГУ контрреволюционной организации, преследующей цели свержение Советской власти, согласился вести подрывную работу, участвуя в организации.

5. Нельгин Евгений Степанович, бывший технический секретарь кабинета востоковедения ДВГУ знаком мне с 1923 года по работе в Иркутске, в контрреволюционную организацию вовлечен лично мною в 1933 году, информированный о целях и задачах организации, вошел в ее состав и изъявил желание вести подрывную работу. Со слов Нельгина мне известно, что в годы интервенции, в момент перехода Иркутска из рук в руки, от красных к белым, он оставался в городе и информировал японских разведчиков, с которыми был связан, о состоянии и численности частей Красной армии, занявших город. При занятии РККА Иркутска был арестован, но избежал заслуженного наказания. В 1925 году, уходя с должности переводчика из Особого отдела штаба

5-й Армии, я рекомендовал вместо себя Нельгина, который и был принят на работу.

Вопрос: Рекомендовали Нельгина, зная, что он японский разведчик?

Ответ: Да.

Вопрос: Продолжайте показания об участниках организации.

Ответ: 6. Ганг Александр (отчество не помню, бывший аспирант при кафедре японского языка ДВГУ, в 1927 году работал в Японии, в г. Кобе в советском консульстве, где я встречался с ним). Он вел тогда разведывательную работу, устанавливая нужные для японцев связи в лесных и рыбных организациях. В 1932 году я привлек его, как связанного с японцами, в контрреволюционную организацию. Изъявив желание вести шпионско-разведывательную работу, Ганг скоро выбыл для работы в рыбных организациях, не проводя практически никакой работы в организации. Кроме завербованных мною членов организации мне известно из разговора с Пономаревым, проведенного нами в 1934 году, в момент ухода Пономарева из ДВГУ, что им, Пономаревым, завербованы в разное время в контрреволюционную организацию следующие лица:

1. Файнерман Израиль Евсеевич, бывший заместитель директора по учебной части.
2. Менк Исаак Самуилович, бывший помощник директора по заочному сектору и преподаватель диамата, в 1921 году прибывший в СССР из Австрии.
3. Войлошников Василий Александрович, преподаватель и декан восточного факультета, харбинец.
4. Преображенский Константин Алексеевич, бывший секретарь парткома ДВГУ, в прошлом сын попа.
5. Быков Иван Тимофеевич, бывший преподаватель экономики и географии. Феклиным в 1933-34 гг. были завербованы в контрреволюционную организацию, о чем он лично мне говорил после вербовки, следующие лица:
 - 1) Востриков Михаил Николаевич, бывший член парткома ДВГУ, помощник директора библиотеки.
 - 2) Ещенко Александр Петрович, бывший секретарь парткома ДВГУ, помощник директора по хозяйственной части.
 - 3) Мерцалов (имя, отчества не помню), бывший студент ДВГУ, в 1934 году исключенный из ДВГУ, работал в последнее время на рыбопромыслах, держал связь с Феклиным, завербован им был примерно в 1933 году.
 - 4) Хмуржинский (имени, отчества не помню) студент ДВГУ, в 1934 году исключавшийся из университета, в 1937 г., при поддержке Феклина, моей и других членов организации вновь был принят на учебу, завербован был примерно в 1933 году.

Юркевичем завербованы в организацию следующие лица:

- 1) Мацокин Николай Петрович, профессор-японист, работал в Москве, в Институте мирового хозяйства.
- 2) Крылов (имя, отчества не помню), переводчик японского языка в одном из военных учреждений в Москве, харбинец, завербован при содействии Ма-

цокина.

- 3) Зобнин (имя, отчества не помню), начальник учебной части курсов военных переводчиков в Хабаровске.

О привлечении Юркевичем перечисленных лиц к разведывательной работе, он рассказал мне лично при встречах с ним в гор. Владивостоке в период 1932-35 гг., в момент обсуждения вопросов подрывной работы на японо-лингвистическом фронте в Москве и Ленинграде.

Вопрос: Кто осуществлял контрреволюционные связи организации в Москве?

Ответ: Связи по подрывной работе на японо-лингвистическом фронте с японистами-разведчиками Москвы осуществлял Юркевич.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: По заданию разведывательных органов — японского консульства во Владивостоке, Юркевич, начиная с 1929 года, периодически выезжал в Москву, где и вел подрывную работу совместно с Мацокиным и Крыловым.

Вопрос: Вам известно, кто руководил подрывной деятельностью на японо-лингвистическом фронте в Москве?

Ответ: Из разговоров с японкой — преподавателем японского языка ДВГУ Хопкинс, которые я вел с нею в 1936 году в университете, мне известно, что подрывной деятельностью на японо-лингвистическом фронте Москвы и Ленинграда руководит один из сотрудников японского консульства в Москве, фамилию которого она мне не назвала. Хопкинс и Юркевич подтверждали, что контрреволюционная организация ДВГУ являлась филиалом японской разведки на японо-лингвистическом фронте СССР и была использована для организации так называемой “Владивостокской школы японоведения”. Школа, солидаризуясь с основоположником японологии старой России, японофилом, профессором Спальвиным, прикрывая разведкой авторитетом Мацокина, сторонника Спальвина, развернула активную борьбу в СССР с советскими японистами.

Вопрос: Расскажите, какова роль Мацокина в этой борьбе?

Ответ: Перед Мацокиным и его единомышленниками японская разведка поставила задачи:

1. Добиться занятия во всех востоковедческих вузах господствующего положения представителями старой японоведческой школы.
2. Организовать по примеру восточного факультета ДВГУ подрывную работу по подготовке в востоковедческих вузах японофильских кадров.
3. Мацокину было предложено:
 - а) Составить ряд критических статей с уничтожающим анализом появившихся за последнее время работ молодых советских японистов.
 - б) Сплотить вокруг себя возможно большее число единомышленников, как старых, так и молодых японистов, работающих в разных городах Советского Союза.
 - в) Придать остроту своим политическим выступлением, чтобы обратить на борьбу внимание органов Наркомпроса и добиться получения официальной санкции Наркомата на созыв японистов Ленинграда, Москвы и Владивос-

тока.

г) Приложить все усилия, дабы обеспечить на этом съезде успех старой школы.

Вопрос: В чем выразилось Ваше личное участие в подготовке созыва съезда японистов?

Ответ: Японская кафедра восточного факультета ДВГУ, которой руководил я, предложила выехавшему в Москву доценту Юркевич представлять на съезде японистов и солидаризироваться (поддержать) с профессором Мацокиным, который намечался на съезде в качестве одного из ответственных докладчиков, обязанных доказать правоту борьбы японоведческой школы. В случае успеха на съезде единомышленников Мацокина, мыслилось, что последнему удастся возглавить кафедру японского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова. Подчинить в этом случае японское отделение института влиянию Владивостокской японоведческой школы, превратив, по примеру последней, отделение института в школу для подготовки японских разведчиков. В данном случае руководство подрывной работой на японо-лингвистическом фронте должно было перейти в центре в руки Мацокина.

Вопрос: Дайте показание, какими методами велась подрывная работа в ДВГУ?

Ответ: Срыв подготовки ДВГУ полноценных кадров специалистов и воспитанные в их духе фашистских японофильских кадров, был обеспечен контрреволюционной организацией, организованными мною, по указанию и проведенными методами:

- а) Путем нагромождения учебных планов кафедры большим количеством отдельных элементов, на которые делился весь цикл японского языка. В расписаниях учебных занятий нагромождаемые элементы выдвигались как самостоятельные предметы. Создавалась много предметность, препятствующая успешному овладению студентами японским языком.
- б) Срыва составленных таким образом планов. Срыв обеспечивался замедлением темпов прохождения цикла японского языка путем оставления без необходимой помощи отстающих студентов. Занятия с отстающими в то время, когда инструкции Наркомпроса требовали перенесения тяжести подготовки на успевающих и так называемых середняков.
- в) Срыва решений партий по вопросу развертывания на японском отделении восточного факультета работ по подготовке военных специалистов. После изъятия из употребления, включенного в программу 1936-37 учебного года, учебника по военной терминологии японца Тонегавы, были прекращены, якобы из-за отсутствия учебных пособий, занятия по военной терминологии.
- г) Срыва работ по приобретению студентами навыка к самостоятельной работе. Обеспечивалась это ограничением объема необходимых письменных работ, беспланным бесконтрольным ведением занятий по самостоятельным работам.
- д) Укоренения в системе преподавания обезлички и безответственности. Факультет ряда лет не имел постоянных программ ни по одному предмету. Программы ежегодно составлялись каждым преподавателем. В 1935-36 учеб-

ном году ряд преподавателей к началу учебного года вовсе не имели программ, программы других не отвечали нужным требованиям.

- е) Срыва в течение пяти лет (1932-37) обеспечения кафедры японского языка необходимыми учебными пособиями по отдельным разновидностям японского языка. Подготовка и составление наряду с этим своими силами и силами членов кафедры пособий, которых достать в центре было невозможно, не велась. В результате 1937-38 учебный год японское отделение начало без ряда необходимых учебных пособий (пособий по японской терминологии, учебника разговорного языка 1-го курса, по скорописи и д.).
 - ж) Поощрения недостатков вредительских методов преподавания японского языка, допустивших Юркевичем, Хопкинс, Кимхо, Ким-Сен-Бин, “не замечаемых” и не устранявшихся мною, пока они не становились очевидными для всех.
 - з) Срыва работ по расширению студентами японо-лингвистического кругозора. Срыв обеспечивался рекомендацией придерживаться грамматической подготовки трактовки японского языка по Спальвину. Предложением воздержаться от пользования грамматиками других японистов, в том числе советских.
 - и) Срыва научно-исследовательской деятельности восточного факультета университета, прекращения выпуска университетских программ, пособий, методических указаний, научно-исследовательских работ и т.п. Срыва отсюда обмена опытом и прекращения связи с научными обществами, академиями наук и востоковедческими вузами у нас и за границей. Научно-исследовательская работа института за последние 6 лет была сведена к выпуску двух брошюр.
 - к) Приведение в хаотичное состояние и расхищение на 50 процентов второй по значению в Союзе, библиотеки с фондом в 400 тысяч библиотечных единиц. Упразднение научно-исследовательской работы в университете, разгром библиотечного фонда естественно дисквалифицировали научных работников. Привели к падению у них интереса к вузу, породили снижение качества преподавания и учебы.
 - л) Повседневное воспитание студентов в фашистском, японофильском духе путем представления им для чтения, практических работ, реакционной литературы, газет, ведения фашистской троцкистской агитации путем извращения фактов при преподавании истории партии (Долгое время университет выписывал орган Токийской полиции “Иомиури”, фашистскую газету “Цувамоно”, Харбинский белогвардейский орган “Путь фашизма” и др.).
- Вопрос: Вы не сказали о проведенной Вами разведывательной работе по подготовке военных переводчиков-разведчиков для использования в РККА и НКВД и погранохране?

Ответ: Да, об этом я умолчал.

Вопрос: Отвечайте прямо: какие задания Вы получали по этому поводу и от кого?

Ответ: Для подготовки военных переводчиков языка, с целью использования в качестве разведчиков японской разведки в РККА, НКВД и погранохране —

Хироока, а впоследствии Ватанабе, Бадмаев и Хопкинс требовали подбирать студентов, которые, кроме успехов в освоении японского языка, должны симпатизировать Японии, а также свободно разбираться в политических, экономических и международных вопросах, могли в дальнейшем давать обстоятельную шпионскую информацию. Разведка требовала самостоятельно работать над намечаемыми студентами, повышая их академические знания и воспитывая враждебное отношение у них к Советской власти и партии.

Вопрос: На ком лежала эта работа в организации?

Ответ: Работа по подготовке разведчиков-переводчиков с 1925 по 1932 год лежала лично на мне затем я привлек для выполнения ее Феклина.

Вопрос: Кого Вы готовили из студентов для работы в японской разведке?

Ответ: В разное время нами готовились японофилы, отвечавшие требованиям по подготовке в качестве военных переводчиков-разведчиков, студенты японского языка: Арцыбашева, Афанасьева, Лейферт, корейцы Серебряков Валентин, его жена Ли Клеопатра, Ли Петр, Рябыкин, Ковыженко, Герд, Косицына, Нехочи, Мерцалов и Хмуржинский.

Вопрос: Где в настоящее время эти лица находятся?

Ответ: Арцыбашев и Афанасьев подготавливались мною в 1924-26 годах через Хироока. Последние два года пребывания в университете Арцыбашев и Афанасьев были тесно связаны с Хироока, бывали у него. В 1926 году Афанасьева выезжала в Японию, жила в Токио, в течение года встречалась с Хироока, была знакома им с каким-то японцем. Последнее время она жила во Владивостоке со своим мужем — командиром РККА.

Арцыбашева работала в Москве в исследовательском институте Марра, научной сотрудницей, затем, якобы в восточном секторе издательства иностранных рабочих.

Лейферт в 1925 году выезжал в Японию и прожил там года три, работая в редакции газеты Токийской полиции Иоминури. Впоследствии вернулся в Москву, издал словарь китайских и японских иероглифов, и работал одно время преподавателем японского языка в Военной академии. Где он находится в данное время не знаю.

Серебряков Валентин подготавливался мною до 1930 года, его жена Ли Клеопатра до 1934 года (последней интересовался Бадмаев). В отличие от Арцыбашевой, Афанасьевой и Лейферт, непосредственно связанных с японцами, Серебряков и Ли готовились нами не только в части увеличения познаний в японском языке, но и воспитании в японофильском духе, для большей пригодности их к разведработе.

Серебряков в 1933 году выехал в Москву для учебы в Институте мирового хозяйства, и я потерял его из вида. Ли работала в филиале Академии наук в г. Владивостоке, в 1935 году выехала в г. Хабаровск.

Ли Петр, студент IV курса университета подготавливался мною, характеристики на него, как непригодного к разведке, я пересылал в консульство через японку Хопкинс.

Герф подготавливался мною до 1934 года, по окончании учения выбыл в Хабаровск, где работал в качестве переводчика в Краевом управлении НКВД. Косицина, подготовленная мною до 1934 года, затем выехала в Москву, где и работает по специальности в каком-то исследовательском институте.

Нехочин примерно в 1934 году выехал в Хабаровск, работал переводчиком при штабе ОКДВА.

Мерцалов подготавливался Феклиным, после исключения в 1934 году из университета, убыл из Владивостока.

Хмуржинский подготавливался Феклиным, учится вместе с Рябыкиным и Ковыженко на 4 курсе университета.

Вопрос: Кто из перечисленных лиц были привлечены японцами к разведывательной работе?

Ответ: Это мне не известно. Ни с одним из указанных студентов я не был связан разведкой по выходе их из университета. В процессе подготовки, перечисленные лица рекомендовались нами разведке, как японофилы, вполне пригодные для разведывательной работы, и по требованию разведки специально подготавливали их для этой цели.

Вопрос: Расскажите, что практически проделано каждым из участников японо-шпионской вредительской организации?

Ответ: Каждый участник контрреволюционной организации проводил шпионско-подрывную работу на своем участке практической работы. Конкретно каждым членом контрреволюционной организации проводилось следующее:

1. Пономарев Андрей Викторович являлся директором ДВГУ, руководил контрреволюционной работой организации в течение 1932 г. Будучи привлечен к разведработе консулом Ватанабе еще в 1930 году, прикрывал своим авторитетом проводимую мною шпионско-подрывную работу. Санкционировал прием на восточный факультет, рекомендованных нам консульством в качестве преподавателей японского языка, разведчиков. Прикрывал подрывную работу этих разведчиков, даже когда была выявлена полная их непригодность как преподавателей (Ямазаки, Бадмаев). С целью засорения университета неподготовленными к прохождению программы студентами, проводил прием на восточный факультет лиц с чрезвычайно слабой общеобразовательной подготовкой и плохим знанием русского языка. Удерживал и переводил на следующие курсы студентов, имевших большую академическую задолженность за прошлые годы (Штепа, Шаповалов, Солонин, Собинова, Гагаркина и др.) и совершенно не могущих учиться. Срывал учебно и научно-исследовательскую работу на восточном факультете, расходуя ассигнованные на нее средства не по назначению. Не принимал мер предотвращения разгрома библиотечного фонда, содействовал наглому расхищению ценных научных материалов. В целях наибольшего разворота подрывной деятельности в ДВГУ завербовал в организацию работников университета Файнермана И.Е., Менка И.С., Войлошникова В.А., Преображенского К.А. и Быкова И.Т.
2. Феклин Константин Павлович, бывший доцент японского языка, активный член организации, проводил по моим заданиям подрывную работу в области

учебной работы. Загружал студентов японского отделения большим количеством громоздкого (грамматика) материала, который невозможно было полностью освоить. Не вел занятий с отстающими студентами. Популяризовал среди студентов Спальвинские методы преподавания, восстанавливал против молодых советских японистов. Кроме подрывной работы Феклин занимался шпионажем и привлечением в организацию новых членов. Имел шпионские связи с японцами Тонегава, Хопкинс и Акаси, которых повседневно держал в курсе всех учебных дел японского отделения университета, информировал о настроении и поведении преподавательского состава университета, давая характеристики на студентов, интересовавшихся японскую разведку. При отъездах студентов на практику, на камчатские рыбозаводы, связывал их со знакомыми ему по Камчатке японскими разведчиками.

Вопрос: Уточните какими способами, кроме популяризации Спальвиновской школы, Феклин восстанавливал студентов против советских востоковедов?

Ответ: Феклин проводил воспитания студентов японского отделения восточного факультета в японофильском фашистском духе. Преподавая японский язык, прививал студентам симпатии к Японии, использовал имеющуюся фашистскую литературу в качестве подсобного материала для практических работ. Неоднократно поднимал вопрос и настаивал на необходимости посылки студентов-японистов на практику в Японию.

Вопрос: Продолжайте показания о подрывной работе членов контрреволюционной организации.

Ответ: Кроме шпионской и подрывной работы Феклин занимался вербовкой новых членов организации. Им были завербованы работавшие в университете Востриков М.Н., Ещенко А.П. и студенты Мерцалов и Хмуржицкий, имя и отчества которых не помню.

3. Юркевич Трофим Степанович, бывший доцент ДВГУ, проводил подрывную работу на японоведческом фронте во Владивостокском университете, а также на Хабаровских курсах военных переводчиков и в Москве. Был связан с Зобниным в Хабаровске, Мацокиным и Крыловым в Москве. При чтении курса японского языка узко объяснял грамматические правила, недостаточно иллюстрировал их примерами. При смысловом анализе иероглифов давал неточные объяснения значений последних. На практических занятиях по референтской работе не давал студентам тем для составления работ. Проводил глубокую работу по воспитанию у студентов японофильских фашистских убеждений. Использовал при занятиях фашистскую японофильскую литературу. Дважды составляя учебные пособия по японскому разговорному языку, оба раза вводил в них тексты с идеологически невыдержанным содержанием.

Вопрос: Какую шпионскую работу вел Юркевич?

Ответ: Юркевич информировал через японца Мори, в том числе однажды при мне в 1928 или в 1929 г. на квартире Мори, а затем через японца Танегавы и Хопкинса японскую разведку об университетской жизни, состоянии подготовки японистов, с которыми он занимался, рост японофильских настроений,

а также о наличии враждебно настроенных в отношении Японии студентов. В целях более близкой увязки студентов-японофилов с японской разведкой настраивал неоднократно на необходимости посылки студентов японского отделения на практику в Японию. Завербовал в организацию Мацоккина, Крылова и Зобнина.

Вопрос: Продолжайте показания.

Ответ: 4. Харнский Константин Андреевич, бывший преподаватель истории и географии Японии. Прикрываясь партийным билетом, вел на своем участке подрывную работу, хотя и не входил в состав кафедры японского языка: настроен был антисоветски. Критиковал вместе со мной многие мероприятия партии по пятилетке. Строил занятия по дисциплинам географии и истории. Так, что не давал студентам полных знаний в этой области. При изложении материала отвлекал внимание студентов от изучаемых вопросов на другие отдаленные от истории и географии Японии темы. Прикрываясь необходимостью расширения у студентов японоведческого кругозора, знакомил их с историей культуры Японии, сознательно возбуждал, особенно у успевающих слушателей повышенный интерес и любовь к Японии. Работу по истории культуры богато иллюстрировал приносимыми иностранными выпусков пособиями, рекомендовал читать японофильскую литературу преимущественно на английском языке, проникнутую сочувствием и симпатией к Японии. Организовал коллективный перевод с японского на русский язык, объемистой книги по истории Японии, которая давала студентам превратное представление об исторической пути развития классов в Японии.

5. Нельгин Евгений Степанович, бывший технический секретарь кабинета востоковедения. Проводил разведывательную и шпионскую работу. Систематически передавал по моим поручениям японцу Бадмаеву сведения о работе организованного при восточном факультете пресс-бюро, издававшего секретно бюллетени японской и китайской прессы. Передачу информации Небольсин (Нельгин) неоднократно осуществлял в моем присутствии.
6. Файнерман, Израиль Моисеевич (Евсеевич), бывший заведующий учебной частью. Проводил вредительство на своем участке работы. Излишне загружал учебный план совершенно ненужным для востоковеда материалом педагогики, отвлекая время и силы студентов от основных дисциплин специального характера. В этих же целях устанавливал консультацию по всем частям японского языка, даже по сугубо практическим частям, не требуемым специально консультаций (устная речь, практика устных и письменных обратных переводов). Не проводил тщательно просмотра своевременно представляемых в учебную часть рукописей учебных материалов, в результате чего последние долго мариновались, а порой оставались не выправленными с идеологической стороны, например, пособие по японскому языку, составленное Юркевичем, не было выправлено до 1937-38 гг. В практической работе держал связь с троцкистом-преподавателем диамата ДВГУ Киквадзе и своими братьями.

7. Менк Исаак Самуилович, бывший исполняющий обязанности директора ДВГУ. Использовал положение на закрепление созданной контрреволюционной организации в университете путем удержания ее кадров. Активно защищал, например, меня перед парткомом в 1936 году, когда на собрании коллектива ДВГУ сотрудница библиотеки Величко подняла вопрос о разоблачении моей контрреволюционной деятельности. Благодаря поддержке Менка, мне удалось уйти от удара критики, удержать руководство контрреволюционной организации. Был связан с троцкистом Киквадзе.
8. Преображенский Константин Алексеевич, бывший секретарь парткома ДВГУ. Прикрывал контрреволюционную деятельность японца Бадмаева, развалившего дисциплину на восточном факультете. Был по подрывной работе связан с троцкистом преподавателем диамата Шабалкиным.
9. Быков Иван Тимофеевич, исполняя обязанности заведующего кабинетом востоковедения, срывал в нем работу. В результате студенты не имели возможности пополнять своих знаний в области востоковедения, вообще восточных языков в частности. В целях получения необходимого материала по экономике Японии, поручал Нельгину, считавшемуся малограмотным переводчиком, делать соответствующие переводы из японских журналов, оплачивал труд из средств университета, давал студентам недоброкачественный материал.
10. Войлошников Василий Александрович, бывший декан восточного факультета и преподаватель. Вредительски составлял учебные планы, не предусматривая в них время на отправку японистов IV курса на практические работы. В результате программы ломались, а студенты не получали, из-за сокращения программ, всего необходимого материала, подлежавшего обработке. При распределении годового количества часов, отводимого на японский язык, делил отводимые часы между отдельными частями механически на 44 или 88, исходя из 44 учебных пятидневной в году. В результате небольшие предметы (эпистолярный стиль, торгово-промышленная терминология и т.п.) получали значительное количество часов (44), а более солидные (история литературы), требующие не менее 100 часов получали меньше (88). Проводил сокращение номенклатуры отдельных элементов японского языка, добиваясь внесения в расписания учебных занятий главным образом только японского разговорного языка и японского литературного языка. Расписание не отражало видов занятий по литературному и разговорному языку на данный день, что порождало путаницу, нарушало нормальный ход учебы и планомерность прохождения предметов. Вместе с Файнерманом отстаивал необходимость установления консультативных часов по всем частям японского языка. Срывал нормальное продвижение поступающих к нему учебных материалов, вызывал тем самым затруднения в преподавании японского языка (например, по японской скорописи и др.). По подрывной работе был связан с Файнерманом, Менка и Киквадзе.
11. Востриков Михаил Николаевич, бывший помощник директора библиотеки. Проводил подрывную работу в области библиотечного и учебного дела.

Сорвал работу по приведению книжного богатства восточного отдела библиотеки, не провел достаточной аннотации всех имевшихся в отделе журналов. отсюда масса ценного материала осталась неизвестной студентам и преподавательскому составу. Создал в 1937-38 учебном году кризис с учебными пособиями по японскому языку для студентов I-го курса, не выписав учебников из центра японистов Колпакчи и Невского.

12. Ещенко Александр Петрович, бывший секретарь парткома ВКП (б) ДВГУ, проводил подрывную работу, обеспечивая идеологически враждебное воспитание студентов. Предлагал мне и Феклину в эти целях создать в области японо-лингвистики свою "Овидиевскую" школу, выпустив нами составленные учебники японского языка. Предлагал в 1936 году приступить к составлению таких учебников. Рекомендовал кафедре использовать для целей преподавания старые учебные пособия по японскому языку, составленные более 25 лет тому назад во времена профессора Спальвина, устарелые по языку и идеологически неприемлемые. Исполнял обязанности заведующего кабинетом востоковедения, сорвал работу кабинета, поручая заведование им малоопытным студентам. Привел кабинет в полное бездействие. Ещенко был связан с троцкистом Котиным, покровительствовал его дочери, учившейся в ДВГУ.

С практической контрреволюционной деятельностью остальных членов организации я не сталкивался.

Допрос прерван. С моих слов записано верно, мной лично прочитан. Н. Овидиев (подпись)

Допросили: начальник 3-го отдела ПОУ НКВД, лейтенант госбезопасности <Владимир Нестерович> Терский (подпись).

Оперуполномоченный 3-го отдела <Александр Васильевич> Жеребцов. (подпись).

* * *

Оригинал допроса Н.П. Овидиева хранился в архиве УФСБ по Приморскому краю в его деле (П-25320), который затем передан в Государственный архив по Приморскому краю (Ф. 1588).

Источники:

Архив Дальневост. отделения Российской академии наук (ДВО РАН). Владивосток.

Архив Общества изучения Амурского края. Владивосток.

Архив Российской академии наук (РАН). Москва.

Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) Российской Федерации по Приморскому краю. Владивосток. Архивно-уголовное дело Овидиева Николая Петровича. П-25320.

Государственный архив Приморского края (ГАПК). Владивосток. Ф. 1588. Оп. 1.

Государственный архив Хабаровского края. (ГАХК). Хабаровск.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Владивосток.

Собрание А.А.Хисамутдинова. Материалы, связанные с репрессиями на российском Дальнем Востоке.

University of Hawaii at Manoa (США). Русская коллекция.

Библиография:

Бобреньев В.А., Рязанцев В.Б. Коварная фортуна. Японцы на этапах Гулага. В кн.: Бобреньев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М.: Военное изд-во, 1993. С. 153-156.

Бондаренко Е. А. Харнский: грани судьбы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 113-123.

Бондаренко Е. Журналист, ученый, педагог (Константин Андреевич Харнский). В кн.: История Дальнего Востока. Забытые имена: Статьи и очерки. Вып. 1. Владивосток, 1994. С. 166-180.

Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергнувшиеся репрессиям в 20-50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113-125; № 5. С. 96-106.

Донской В.К. Трагические дни Зотика Матвеева и девяти его товарищей — ученых, обвиненных в “шпионаже” // Красное знамя. 15 июля 1993.

Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ (О репрессир. ученых и сотр.: А.П.Ещенко, М.Н.Востриков, К.А.Харнский, К.П.Феклин, Н.П.Овидиев, И.Т.Быков, З.Н.Матвеев, В.А.Войлошников, Е.С.Нельгин, И.С.Мейнк) // Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 95-108.

Ермакова Э.В., Георгиевская Е.А. Восточный факультет в 20-30 годы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 52-63.

Ермакова Э.В. Преподаватели-востоковеды: Имена и судьбы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1996. № 3. С. 8-11.

Николаев С. Выстрелы в спину. Аресты продолжаются // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 136-152; № 3. С. 132-143.

Пак Сен Хун. Воспоминания работника НКВД (в Приморье) // Тихоокеан. комсомолец. 11 февр 1989. С. 6-7.

Рудаков А.В. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации: (Задачи и деятельность). Владивосток: Изд. Вост. ин-та, 1916. 23 с.

Приложение: Персоналии:

Бадмаев, Царен (Кимура Аота Сейдзи) (? - 2 VII 1935, Владивосток) — востоковед. Офицер японской армии. Сотрудник советской разведки в Шанхае. После нападения на ген. консульство СССР вывезен во Владивосток (1928). Преподаватель японского яз. в ГДУ. Арестован (29 июня 1935). Покончил жизнь самоубийством в тюрьме. Автор учебника (Изд. ДВГУ).

Ватанабе Риэ — японский дипломат. На практике во Владивостоке (с 1896). Секретарь коммерческого агентства Японии (1903-1904). 1-й секретарь (1904,

- апр. 1908-1911), консул (1920-1924), исполнял обязанности ген. консула (июль-окт. 1921, февр. 1923 - апр. 1925), ген. консул (ост. 1925 - окт. 1929, ноябрь 1933 - март 1936) консульства Японии во Владивостоке. Во время гражданской войны вице-консул Японского посольства в Москве.
- Визель, Яков Савельевич (1900, Житомир - IX 1937, Хабаровск) — чекист, капитан госбезопасности. Член Еврейской социал-демократической партии (1917-18). Образование — окончил гимназию. Сотрудник ЧК - ГПУ (с сент. 1919). Награжден дважды именным оружием и знаком "Почетный чекист". По одним сведениям имел выговор по парт. линии "За избиение допрашиваемого". Начальник Особого отдела ОГПУ Приморской группы войск (с окт. 1932). Начальник Приморского областного управления ОГПУ НКВД (окт. 1933 - 15 авг. 1937) и нач. Особого отдела Тихоокеанского флота. Г. Люшковым вызван в Хабаровск на совещание, где арестован. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме. Реабилитирован.
- Войлошников, Василий Александрович (10 II 1895, Цаган-Олуй Борзинского района Читин. губ. - 25 IV 1938, Владивосток) — востоковед. Окончил Читинское гор. училище и вост. фак-т ГДУ (1928). Служил в НРА (1918-22). Инструктор особых поручений Военного мин-ва ДВР (1920-21). Советник военной миссии в Китае (1925-27). Доцент и зав. кафедрой Хабаровского ин-та народного хоз-ва. Директор техникума КВЖД в Харбине (Сент. 1931 - июль 1933). Декан вост. фак-та ГДУ (1932-37). Арестован (5 ноября 1937). Расстрелян.
- Востриков, Михаил Николаевич (1903, Орлово-Гай Ново-Репновского уезда Саратов. губ. - 9 XI 1938, Колыма) — востоковед. Член ВКП (б) (1930). Учился на яп. отд-нии вост. фак-та ГДУ. Активный обществ. и партийный деятель. Зам. директора библиотеки ГДУ (с марта 1937). Арестован (14 авг. 1937). Приговорен к 20 г. исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Умер в лагере.
- Гамарник, Ян (Акель) Борисович (2 VI 1894, Житомир, Украина - 31 V 1937, Москва) — полит. и гос. деятель, армейский комиссар 1-го ранга. Председатель Приморск. губисполкома (1923-24), Дальревкома (1924-26), Далькрайисполкома (1926-28). 1-й секретарь Далькрайкома ВКП (б) (1927-1928). Зам. наркома обороны СССР (1930-1937). Якобы, покончил жизнь самоубийством.
- Диментман, Михаил Иосифович (1903, Тула - 1941, Москва) — чекист. Капитан госбезопасности. Начальник Приморского областного управления НКВД (1938). Арестован (25 июля 1938). Руководитель операций органов НКВД по депортации корейцев и выселению китайского населения с территории Приморского края. Организатор массовых репрессий во Владивостоке (1937-1938). Приговорен к высшей мере наказания (ВМН) (27 июля 1941).
- Ещенко, Александр Петрович (1902, Баталпашинская Краснодар. губ. - 1938, Владивосток) — востоковед. Окончил кит. отд-ние ЛГУ. Сотрудник сов. консульства в Китае. Доцент по экономике Китая, помощник директора ГДУ (1936). Член ВКП (б) (с 1930). Секретарь парткома ГДУ (1936). Арестован (28 июня 1937). Расстрелян.
- Крутов, Григорий Максимович (1881 - IV 1938) — гос. деятель. Председатель Даль-

крайисполкома (1932-37). Делегат 16 (1930) и 17 (1934) съездов ВКП (б). Проходил по делу Я. Гамарника*. Арестован (4 июня 1937). Расстрелян. Реабилитирован.

Маракуев, Александр Владимирович (17 VII 1891, Ростов Ярославск. губ. - 19 VIII 1955, Алма-Ата) — востоковед и эконом-географ. Учился на штурм. отделении Одесского училища торг. мореплавания (1913-14). Участник 1-й мировой войны, прапорщик (с авг. 1914). Находился в плену в Австро-Венгрии (1914-18). Матрос на иностранных судах (1919 -20). Переводчик англ. яз. Союза маслобойных артелей во Владивостоке (1921). В Харбине (1923-24, 1927). Сотрудник Торгпредства СССР в Китае (1924-26). Преподаватель ГДУ (1930-39). Одновременно работал в ДВФАН, 1-й директор библиотеки. Канд. геогр. наук. Доцент (20 дек. 1935). Преподаватель Томского педагог. ин-та, Политехн. ин-та, Томск. ун-та (1940-52), Казах. ун-та (1950-55). Канд. геогр. наук (1 ноября 1955, без защиты). Арестован (22 авг. 1928) и выслан на 3 г. (17 мая 1929). 2-й арест (16 ноября 1937). Выслан на 5 л. (9 февр. 1940). Реабилитирован (14 дек. 1971).

Матвеев, Зотик Николаевич (2 XI 1889, Владивосток - 25 IV 1938, Владивосток) — востоковед, библиограф, историк и краевед. Окончив Владивост. гимназию (1908), учился в СПб Политехн. ин-те (Искл. в 1911 г. по полит. мотивам). Студентом вступил в РСДРП (меньшевик, официально вышел из партии в 1924). Учился на японо-китайском отделении в Вост. ин-те (1912-16). Дважды выезжал в Японию на летнюю языковую практику. На военной службе с 1916. Окончил Иркутскую школу прапорщиков (1917). Военный контролер и цензор на Владивост. телеграфе (до июня 1920), затем в кооперации. Член правления отдела народного просвещения Меркуловского правительства. Учился на историческом фак-те ГДУ (1918-21), оставлен на кафедре “История Востока” для подготовки к профессорскому званию. Научный сотрудник вост. фак-та ГДУ (с янв. 1923). Доцент по кафедре “История Востока” (с апр. 1927). Заведующий библиотеками ГДУ (1923 - июль 1932), Дальневост. политехн. ин-т (ДВПИ) (с июня 1930) и Владивост. отдел Геогр. общ-ва (ВОГО) (1924). Сотрудник библиотеки ДВФАН. Секретарь изд-ва ДВГУ. Арестован (5 ноября 1937). Приговорен к ВМН (25 апр. 1938). Расстрелян. Реабилитирован (20 окт. 1956).

Нельгин, Евгений Степанович (12 III 1882, СПб. губ. - 25 IV 1938, Владивосток) — японовед. Окончил японское отд-ние частной Практической академии Позднеева в СПб. Вместе с отцом в Порт-Артуре (1904), затем последовал с ним в плен в Японию. Жил с родителями в Харбине и в Иркутске (с 1908). Переводчик в развед. отделе штаба Иркутск. военного округа и Особого отдела 5-й Совет. армии (Владивосток). Преподаватель, библиотекарь, зав. библиотекой ГДУ (с 1926). Арестован (5 ноября 1937). Приговорен к ВМН (25 апр. 1938). Реабилитирован (2 апр. 1956).

Овидиев, Николай Петрович (23 IV 1891, Алатырь Симбир. губ. - 25 IV 1938, Владивосток) — японовед. Окончил Алатырскую духовную семинарию и кит.-японское отд-ние Вост. ин-та (1918). Журналист газ. “Голос Приморья” в

- Японии (1918-22). Преподаватель Коммерческого училища и ГДУ, одновременно переводчик особого отдела 5-й армии (с окт. 1924). Зав. кафедрой японского языка ДВГУ (с 1932). Поездка в Японию (1925), в составе научной делегации (окт. 1927). Арестован (10 сент. 1937). Расстрелян.
- Огородников, Владимир Иванович (16 V 1886, Пустоколье Вятской губ. - ?) — историк. Окончил Вятскую духовную семинарию (1906) и ист.-филол. фак-т Казанского ун-та с 1-м разрядом (1911). Золотая медаль за соч. “Обзор исторических свидетельств о евреях в России [...]” (1908). Оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории (с 1 янв. 1911). Преподаватель русской истории на Казанских женских курсах (с 1912). Приват-доцент Казанского ун-та. Доцент (1917). И.о. экстраординарный профессор Иркутского ун-та (окт. 1918), там же декан ист.-филол. фак-та (22 X 1918 - 3 дек. 1919). Ординарный профессор (11 дек. 1920). Ректор Ин-та народного образ. в Чите (с 3 сент. 1922). Ректор преобразованного ГДУ (15 янв. 1923 - 1 окт. 1928). Зам. директора Камчатск. отд-ния Арктического ин-та. Арестован по делу о “Камчатской автономии” (май. 1933). Осужден на 10 лет ИТЛ.
- Пономарев, Андрей Викторович (? - 8 IV 1938, Владивосток) — директор ГДУ. Офицер царской армии. Старший инспектор Хабаровск. гороно. Арестован (23 июня 1937 в Хабаровске). Расстрелян.
- Тонегава Сиро (? , провинция Чиба - 30-е годы, Владивосток) — японец. Политэ-мигрант. Преподаватель японского языка ДВГУ. Арестован (1937). Расст-релян.
- Харнский, Константин Андреевич (К.А., К.Х., Х.) (30 V 1884, Кальвария, Литва - 25 IV 1938, Владивосток) — японовед. Окончил III Московский кадетский корпус (1902) и Михайловское артиллерийское училище (1904). Поручик 1-го Вост.-Сибирского осадного артиллерийского полка. Штабс-капитан, слушатель Окружной подготовительной школы вост. языков (1911-14). Практика в Японии (1912-14). Участник 1-й мировой войны, награжден бое-выми орденами, контужен (1914-16). Офицер Военно-статистического отд-ния Приамурск. военного округа (с янв. 1917). Во Владивостоке (сент. 1918 - авг. 1920). Переводчик Дальзохраны Омского прав-ва (1919-20). Сотрудник газ. “Далекая окраина” (1920). Член ВКП (б) (20 апр. 1920). Пом. нач-ка развед. отд-ния штаба войск Времен. правительства Примор. земской управы. Сотрудник телеграфного агентства в Пекине (авг. 1920 - март 1921). Сотруд-ник ДВФАН. Преподаватель, зав. кафедрой экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна вост. фак-та ГДУ (1923-37). Научный сотрудник ДВФАН (с весны 1930). Автор около 300 работ. Арестован (31 авг. 1937). Приговорен к ВМН (25 апр. 1938). Арестована жена Х. - Елена Романовна, фитопатолог Карантинной лаборатории во Владивостоке. Сын Всеволод (13 лет) отправлен в детский дом, погиб на фронте (1943). Реабилитирован (2 апр. 1957).

Предисловие, комментарий, подготовка текста к изданию

Амира Александровича Хисамутдинова

Приношу искреннюю благодарность ныне покойному подполковнику КГБ Б.Г. Болтруцу и краеведу А.М. Буякову, которые оказали большую помощь в подготовке настоящего материала.